

УДК 82-311.4

ФИГУРА ТЕХНОКРАТА В РОМАНАХ А. СОЛЖЕНИЦЫНА, В. ГРОССМАНА, А. БЕКА, В. ПЕЛЕВИНА: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА

Ш.Г. Умеров, кандидат филологических наук (Москва)

В апреле 2011 года в берлинском центре «Топография террора» открылась выставка «Процесс: Адольф Эйхман перед судом», приуроченная к 50-летию с начала суда над «логистом геноцида». Организаторы экспозиции напоминали: «Адольф Эйхман, чье имя уже давно символизирует кроважидность национал-социализма, стал для послевоенных поколений олицетворением абсолютного зла. Будучи ответственным за решение «еврейского вопроса», он лично курировал смертельный конвейер геноцида, отправив в концлагеря около пяти миллионов человек. Ровно 50 лет назад в Иерусалиме начался процесс над «архитектором Холокоста» Адольфом Эйхманом – человеком, который ни о чем не жалел».

Далее следовал вопрос, непосредственно обращенный к посетителям, но, в сущности, уже полвека с лишним стоящий перед историками, социологами, психологами и многими другими людьми: «Кто он – «экспедитор геноцида» или всего лишь винтик в запущенной Третьим Рейхом машине смерти? При всем однозначном отношении к его фигуре, ... в Германии, Америке и Израиле не утихают дискуссии о роли Адольфа Эйхмана в нацистской иерархии и его степени ответственности. Был ли он увлечен идеей Холокоста или просто покорно выполнял приказы руководства, желая выслужиться?» [1].

Эйхмана описал в романе «Жизнь и судьба» Василий Гроссман. Подробных сведений о своем персонаже писатель еще не имел, закончив роман в 1959 году – до захвата Эйхмана (май 1960) и суда над ним в апреле – декабре 1961 года. Ему явно негде было встретить фотографию Эйхмана в эсэсовской форме – худощавое лицо, удлинённый ровный нос, заканчивающийся крючком, тонкие губы, зачесанные на пробор темные волосы. Или, как его через 20 лет увидели на суде: «невысокого роста, субтильного телосложения, ... лысеющего, ... близорукого» [2, с.17]. В целом внешность скорее даже семитская. То-то в некоторых биографиях утверждается, что он происходил «из еврейской семьи, принявшей лютеранство» [3], хотя как бы в этом случае его взяли в СС?

Писатель же дал Эйхману знакомое обличие какого-нибудь саксонского бауэра-чревоугодника: «светлоглазое полное лицо, светлый ежик волос, ...короткий прямой нос». Или: «Его большое лицо вдруг стало добродушно-озабоченным, каким оно становится у всех миллионов любящих покушать мужчин, когда они садятся за накрытый стол».

В трактовке В.С.Гроссмана уничтожение евреев как нельзя лучше отвечало натуре Эйхмана – антисемитизм овладел его сознанием с юности. Ему, выпускнику немецкой гимназии,

пришлось довольствоваться незавидным местом агента в какой-то провинциальной фирме. Не везло из-за того, что «все большие дороги в жизни были забиты шумной, жестикулирующей, враждебной ему толпой. Всюду он видел отталкивающих его быстрых, юрких людей с блестящими темными глазами, ловких и опытных, снисходительно усмехавшихся в его сторону...».

Так у Гроссмана реальная биография персонажа складывалась иначе. Адольф Эйхман учился не в Германии, а в австрийском Линце, и не в гимназии, а ниже – в реальном училище и в училище электротехники. Учился с трудом, ни одного из учебных заведений окончить не сумел. Он, единственный из пяти детей в семье, оказался неспособным завершить даже школьный курс, но при этом всегда пользовался поддержкой любящего отца – коммерческого директора транспортной компании, позже предпринимателя. Поэтому даже «во времена жестокой безработицы он довольно прилично зарабатывал» [2, с.56].

Писатель Гроссман обрисовал путь Эйхмана иначе и сделал это с большой художественной выразительностью. В романе «Жизнь и судьба» безнадёжный провинциал Эйхман благодаря победе национал-социалистов получил такую власть, такой почет и такой комфорт, о каких ему нечего было даже мечтать при прежних обстоятельствах.

Власть Адольфа Эйхмана, как любая тоталитарная власть, тем величественнее, чем больше людей гибнет у ее подножия. Так это показано в романе «Жизнь и судьба», и вот, думается, почему описание Эйхмана в романе сопряжено – совсем не по его реальному подполковничьему чину – с атрибутами высшей государственной власти и силы.

В трактовке же Ханны Арендт, ученицы Мартина Хайдеггера и Карла Ясперса, авторитетнейшего историка, философа, создательницы теории тоталитаризма, бывший штурмбанфюрер, лично ответственный за умерщвление миллионов людей, ни на какой вершине власти не находился и никакими сильными пристрастиями или страстями не обладал. Ханна Арендт показала, что и никакой особой «личной неприязнью» к евреям Эйхман не страдал. Он вообще ничем не страдал – очень здоровый организм. (Генерал Хлудов в фильме «Бег» по пьесе М.Булгакова: «Есаул, у тебя душа болит? – Никак нет, Ваше Превосходительство. Зубы болят. – Пошел вон!»). Организатор массовых казней Эйхман был самой заурядной личностью, чиновником-бюрократом, утверждала Ханна Арендт. Он совсем не стоял над массами и над элитой, как почудилось ветерану нацизма Лиссу, одному из персонажей Гроссмана.

Как известно, Ханна Арендт присутствовала на процессе Эйхмана в Иерусалиме, будучи специальной корреспонденткой журнала «The New Yorker». Позже ее репортажи легли в основу книги «Банальность зла», перевернувшей ряд общепринятых представлений о нацизме и получившей мировую известность.

Зло на самом деле совершенно банально, доказывала Арендт. «Немецкое общество, состоявшее из восьмидесяти миллионов человек, так же было защищено от реальности и фактов теми же самыми средствами, тем же самообманом, ложью и глупостью, которые стали сутью его, Эйхмана, менталитета» [2, с.86].

У позиции Арендт имеются критики, но сегодня никто в социальных науках не может миновать ее суждений, оцениваемых весьма высоко. Так, американские ученые Эммануэле Кастано, Бернард Лейднер и Патриция

Славута, признавая, что исследования патологий личности не проясняют причин многих зверств, свидетелями которых мы постоянно являемся, опираются на выводы Арндт о том, что Эйхман вовсе не был чудовищем или какой-то психопатологической фигурой. Его действия, приведшие к гибели миллионов людей, стали, как показала Арндт, следствием желаний хорошо сделать свою работу. Тот факт, что работа заключалась в организации массовых убийств, в данном случае имел второстепенное значение [4, с. 72–73, 84–85].

Чрезвычайно успешным министром вооружений в правительстве Третьего рейха был Альберт Шпеер. По его собственному признанию, впечатляющие достижения в подведомственных ему областях были достигнуты благодаря «многим тысячам технических специалистов, ... которым... доверили руководство важнейшими отраслями военной промышленности. Это пробудило в них невестребованный ранее энтузиазм... В сущности, я использовал такое явление, как ощущение техническим специалистом неразрывной связи со своим делом».

Многое пересмотрев за 20 лет тюремного заключения, Шпеер осознал и другую сторону связи «технического специалиста» со своим делом: «Обычно он настолько увлечен им, что моральная сторона его совершенно не волнует. Но чем активнее осуществляется технический прогресс в мире, в котором постоянно вспыхивают войны, тем более опасным становится этот феномен, позволяющий снять с себя ответственность за возможные последствия своей деятельности» [5, с.277].

В высшей степени примечательно, что уже во время войны фигура самого Шпеера именно так воспринималась внимательными аналитиками со

стороны. Весной 1944 г. в лондонской газете «Обсервер» появилась статья, посвященная его роли в немецком государстве. «Шпеер в каком-то смысле более важен для Германии, чем Гитлер, Гиммлер, Геринг, Геббельс или генералы. Образно выражаясь, все они превратились всего лишь в подручных этого человека, без которого в действительности страна не смогла бы вести войну и который выжимает из ее военной промышленности максимум возможного. На наш взгляд, Шпеер олицетворяет осуществленную «революцию управляющих». Он не из тех нацистов, что ведут себя вызывающе и всячески стремятся обратить на себя внимание. Мы располагаем сведениями о его мировоззрении и полагаем, что он придерживается умеренных и вполне традиционных взглядов. Он мог примкнуть к любой партии, которая позволила бы ему заниматься своим делом и удовлетворить свое честолюбие.

В его внешнем облике нет ничего примечательного – вполне заурядный, опрятно одетый, весьма учтивый человек, которого уж никак нельзя отнести к разряду коррумпированных деятелей нацистского режима; этот добропорядочный семьянин, нежно любящий жену и шестерых детей, безусловно, принадлежит к среднему классу...

Он ... воплощает собой тип личности, которая начинает играть все более важную роль в политической и социально-экономической жизни воюющих государств, – чистейшей воды технократ, у которого есть только одна цель в жизни – сделать карьеру с помощью своих технических знаний и организационных способностей. Именно отсутствие чрезмерной восприимчивости и богатого духовного мира, а также легкость, с которой они овладевают сложной и в какой-то степени страшной технологией нашего

века, позволяют этим, в общем-то, заурядным людям в наши дни достичь немислимых высот. Пришло их время. От гитлеров и гиммлеров мы как-нибудь избавимся, но шпееры, что бы там ни происходило с каждым из них в отдельности, еще очень долго будут пребывать среди нас» [5, с. 448].

Шпееры, то есть технократы (а в анамнезе у них, не забудем, и Эйхман!), еще очень долго будут пребывать среди нас... Удручающая перспектива для человечества. Ведь в индустриальную, а тем более в технотронно-информационную эпоху вопрос об условиях существования огромных масс людей и о самом их существовании перестал быть привилегией «сильных мира сего» (рассказ А.П.Чехова «Злоумышленник») и одновременно сильно упростился из-за все более расширяющихся – как раз усилиями технократов – возможностей научно-технического и организационно-логистического свойства.

Что другое, кроме личного выбора, можно противопоставить этой перспективе?

Оказывается, в наш индустриальный, постиндустриальный, в наш «постжелезный» технотронно-информационный век человеческая мораль не только не падает в цене, но приобретает гораздо более важное значение, чем когда бы то ни было прежде.

Одна из центральных линий романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» связана с талантливым физиком-теоретиком Штрумом. В 1943 году он совершает замечательное открытие в своей области, однако радостное переживание научной победы вскоре сменяется тоской и страхом перед возможным арестом из-за облыжных политических обвинений. Коллеги уже перестали узнавать Штрума при встрече, соседки по дому третируют жену.

В поисках поддержки он навестил своего учителя академика Чепыжина,

недавно освобожденного от руководства Институтом физики. Сотрудники института теряются в догадках относительно причины отставки. В доверительном разговоре академик сообщил Штруму, что тут обратное: он сам отказался от должности, понимая, как быстро ядерная теория обратится в ужасающую практику: «Я решил не участвовать в работах, связанных с расщеплением атома». Он сделал моральный выбор.

В судьбе же Штрума все мгновенно изменилось после телефонного звонка Сталина, которому стало известно о ядерных разработках, ведущихся за рубежом, и о том, что путь «до сатанинской космической силы – будущего скипетра государственного могущества» начинается с «письменных столов нескольких десятков физиков», как раз таких, как Штрум. Прав оказался Чепыжин: «В этих делах без вас не обойдутся».

Новая волна честолюбия захватывает Штрума. Теперь он на специальном самолете летает на Урал, и его сопровождает, по меньшей мере, замнаркома. За ним закрепили автомобиль, и жена с комфортом разъезжает по «закрытым» распределителям. Жизнь оказалась разумной – и Штрум не пожалеет усилий для реализации атомного проекта. В душе он даже осуждает Чепыжина – за «сознательный страх перед главным вопросом нашей жизни». Правда, им самим вновь владеет страх, но совершенно другой – уже «барский», как замечает Гроссман. Страх перед возможными достижениями других ученых – не обойдут, не обскочат ли они его? И теперь Штрум без сопротивления подписывает подлое коллективное письмо, вполне сознавая подлость того, что сделал.

Поступок Чепыжина – скорее намек на возможность сопротивления. Его фигура не разработана и в много-

населенной книге Гроссмана остается лишь эпизодической, хотя сам факт ее появления и примечателен, и ценен.

Наедине с собой Штрум угрызается тем, что сделал, – и это оставляет надежду. Однако достанет ли ему мужества при следующем испытании поступить по совести, читателю не дано узнать. В целом Гроссман не обольщался способностью людей научно-технической закваски взбунтоваться против злой воли государства, хотя совсем от такой возможности не отказывался.

Передавая свое новое произведение в редакцию журнала «Знамя», Гроссман, конечно, не представлял – и никто не представлял, – что уже написан роман (рукопись укрыта в тайнике на кухне одного крымского дома – так же в тайнике, только подмосковном, вскоре будет укрыта рукопись «Жизни и судьбы»), сюжет которого начинается с дерзкой попытки человека, советского человека, талантливого и успешного дипломата, помешать Сталину получить атомную бомбу!

«Ты не дал украсть бомбы Преобразователю Мира, Кузнецу Счастья? – значит, ты не дал ее Родине! А зачем она – Родине? – ведет этот дипломат, Иннокентий Володин, диалог сам с собой: «Зачем она – деревне Рождество? Той старухе? Тому залатанному одноногому мужику? Им нужны дороги, ткани, доски, стекло, им верните молоко, хлеб, еще, может быть, колокольный звон – но зачем им атомная бомба?». Возможность противостояния отдельного человека тоталитарному Молоху многосторонне развита в полифоническом сюжете романа «В круге первом» А.И.Солженицына и полностью связана с нравственным состоянием интеллектуальной, технической элиты.

Писатель обнаружил немало подходящих фигур. Конформистам (инженер-полковник Яконов, заключен-

ные инженеры Сологдин, Маркушев, Дырсин) и бездумным трудоголикам шарашки (инженер Потапов – «робот пятилеток»; молодой инженер Пряничков, захваченный «одними радиотехническими схемами») противопоставлены те, кто, как гроссмановский академик Чепыжин, отказываются сотрудничать с властями в деле, губительном для людей, для народа, для человечества. Их подвиг тем выше, что у Солженицына они жертвуют не директорским креслом (Чепыжин), но жизнью.

Выдающийся инженер Герасимович щепетилен в отношении изобретений «свойства... весьма нежелательного». Сам начальник Отдела спецтехники МГБ генерал Осколупов гарантировал освобождение через полгода – лишь бы Герасимович сконструировал аппаратуру тайного слежения за гражданами. Измучена издевательствами, которым подвергались семьи политзаключенных, любимая жена Наташа. Только что на редком, случающемся, если повезет, раз в год свидании она умоляла мужа: «Ларик, родной мой, ну сделай как-нибудь, чтобы освободиться раньше! У тебя же гениальная голова! Ну, изобрети им что-нибудь, чтобы они отвязались! ...Спаси меня! Спа-си меня!!».

Как сказано о ближних? «И враги человеку – домашние его» (Мф. 10: 36).

Герасимович, Нержин, Хоробров, Бобынин сопротивляются героически, стойчески – не одному только бесчеловечному большевистскому режиму, но и тому, что зовет их домой, к женам, в семью. Однако не ценой службы рябому черту! «Лучше хлеб с водой, чем пирог с бедой!» – такова нравственная позиция инженера Хороброва.

«Человек, у которого вы отобрали в с е – уже не подвластен вам, он сно-

ва свободен», – бросает прямо в лицо министру госбезопасности Абакумову арестант инженер Бобынин.

Заключенный математик Нержин отказывается перейти в лабораторию, выполняющую личный заказ вождя. Он сознает цену своего отказа от «осьминога криптографии» – сибирский концлагерь, лесоповал. Но «для чего же жить всю жизнь? Жить, чтобы жить? Жить, чтобы сохранять благополучие тела? ... Все доводы разума – да, я согласен, гражданин начальник! Все доводы сердца – отойди от меня, сатана!».

И вот худой, маленький Герасимович, услышав предложение Осколупова, «встал и презрительно посмотрел на брюхатого вислощекого тупорылого выродка в генеральской папахе: «Нет! Это не по моей специальности! ... Сажать людей в тюрьму – не по моей специальности! Я – не ловец человеков! Довольно, что нас посадили...».

За неказистой внешностью заключенного скрывается страстная свободлюбивая натура. Здесь, в обнесенной со всех сторон глухими стенами с колючей проволокой зоне, бесправный арестант обдумал план создания нового правительства страны, состоящего из «интеллектуальной, технической элиты», и всецело готов к тому, чтобы революционным путем расчистить ему дорогу.

Надо спешить! «Мы же видим, как наш народ опустошился, одичал, и снизошло на него равнодушие уже не только к судьбам страны, ...но даже к собственной судьбе и судьбе детей. Равнодушие, последняя спасительная реакция организма, стала нашей определяющей чертой. Оттого и популярность водки – невиданная даже по русским масштабам. Это страшное равнодушие, когда человек видит свою жизнь... так безнадежно раздробленной, так вдоль и поперек из-

гаженной, что только ради алкогольного забвения еще стоит оставаться жить»¹.

Поэтому ради спасения народа «нам, русским техническим интеллигентам, пришло время сменить в России образ правления». Даже Нержин вздрогнул, услышав это.

Конечно, мысль о меритократическом обществе, в котором власть принадлежит научно-техническим специалистам, отнюдь не нова². Ее высказывал теоретик утопического социализма Анри Сен-Симон, а у него, в свою очередь, были такие предшественники, как Френсис Бэкон и Томмазо Кампанелла, Платон... В XX веке подобные идеи развивали американский экономист Торстейн Веблен, британский радиохимик, Нобелевский лауреат Фредерик Содди, русский социолог и политический деятель Александр Богданов, давший, к слову сказать, термин «техническая интеллигенция», и другие.

Однако Нержин, пораженный и увлеченный услышанным от Герасимовича (его собственные историософские искания пролегли по близким маршрутам), не может вполне согласиться с приверженцами технологического детерминизма. И Герасимович, и все его предшественники, начиная с Сен-Симона, строят и строили свои модели, опираясь на два неизменных постулата: ведущая политическая роль принадлежит научно-техническим специалистам, общество управляется на научных принципах (технологический детерминизм). Из этих научных, сиречь рациональных принципов, сознает особенно близкий автору Нержин, «вылупляется – тоталитарность». Осторожно! «Нам французские рационалисты уже одну великую революцию сделали, избавьте». Строить будущее нужно, уверен Нержин, на этических основаниях...

Солженицын особенно пристально вглядывается в тех из своих героев, кто способен на бунт. Боль, почему мы, люди, были так покорны, почему не сопротивлялись ночным арестам, в «Архипелаге ГУЛаг» звучит с самого начала: «Не то, что сопротивляться, – ты и по лестнице спускаешься на цыпочках, как велено, чтоб соседи не слышали. Как потом в лагерях жгло...».

Сознание своей унижительной покорности наглому гебистскому насилию жжет Иннокентия Володина уже в первые часы за решеткой.

Сам писатель неоднократно возвращался к мысли о необходимости личного сопротивления сталинской, коммунистической «проклятой машине»³. Делал это, например, в документальном романе о своем вхождении в мир литературы и открытой общественной борьбы, знаменательно названном «Бодался теленок с дубом», и в стихах:

Кто Россию в трусости обносит
Паутиной проволоки и вахт,
Тех исправит только пушек посвист
Да разрывов бессердечный кряхт.

Оттого дороги наступлений
Оживают, душу теребя,
И сквозь тысячи тюремных унижений
Я солдатом чувствую себя.

Оттого-то я гляжу с издевкой
На чекистов: гнеть не пора.
Будет час! – и я вольюсь с винтовкой
В русское протяжное «ура!..»

«Что-то стали фронтовые
весны...» (1951) [7, с.255]

В «Круге» на сопротивление оказался способен даже завербованный в сексоты лаборант Руська, сумевший устроить прилюдное разоблачение едва ли не всех стукачей шарашки!

То-то в главе «Князь Курбский» автор сопоставляет его с Иннокентием Володиным – и там же размышляет о природе подвига.

Удивительно, насколько точно это размышление А.Солженицына предваряет идеи крупнейших современных психологов. Так, один из них – профессор Стэнфордского университета Филип Зимбардо – в капитальном труде «Эффект Люцифера: Почему хорошие люди превращаются в злодеев» развивает мысль о «банальности добродетели» и «банальности героизма». Он не развенчивает миф о герое и не превращает выдающееся в банальное. Акт героизма действительно является редкостью, и его необходимо прославлять, подчеркивает Ф.Зимбардо. Но «мы все – герои, ждущие своего часа». Как и зло, героизм всегда готов вырваться из нас. «Рассматривая героизм как эгалитарный, общий признак человеческой природы, а не ... качество, присущее немногим избранным, мы можем лучше способствовать героическим поступкам» [8, с. 678, 679]. Эти поступки создают самые важные связи между нами – «единую Человеческую Связь», противостоящую злу и в конечном счете преодолевающую его.

Вся книга «В круге первом» – это книга о противостоянии тоталитаризму, стремящемуся растоптать личность, уничтожить, превратить человека в робота, книга о победе сильного духом людей над тоталитаризмом.

Влиятельный, хорошо образованный советский технократ Онисимов (роман «Новое назначение» Александра Бека, 1964) душой и телом привержен партийной дисциплине и делу коммунизма. Он напоминает солженицынского Льва Рубина из марфинской шарашки, способного филолога, в прежней жизни – майора-коммуниста. Никакого свободомыслия у них в помине нет. Во имя своей рабской

приверженности Онисимов предаёт память любимого брата, отворачивается от глубоко уважаемого им наркома, соглашается с попранием научной истины. И Рубин, сам заключённый, как гончий пес со всем рвением хватает след аудиозаписей, выискивая того, кто осмелился послать сигнал опасности свободному миру.

В отношении к ключевой для второй половины XX века проблеме – проблеме научно-технического прогресса – советская Административная Система (идеальной ее фигурой и был Онисимов) оказывалась все более несостоятельной, о чем убедительно написал в статье по поводу «Нового назначения» профессор-экономист Г.Х.Попов. «Этот вывод романа А.Бека, им прямо не сформулированный, но всесторонне обоснованный всем ходом романа, имеет фундаментальное значение...» [9, с.204].

Статья Г.Х.Попова в свое время заслуженно получила большую известность. Однако ее название «С точки зрения экономиста» – не только дань скромности ученого, род деятельности которого далек от литературоведения, но и точное по существу. Если взять более широкий угол зрения, то в дополнение ко всему, что обнаружил экономист, откроются новые аспекты.

В свое время Ф.А.Степун, один из философов, которые бездарной властью большевиков были высланы на печально знаменитом «философском пароходе», процитировал пророческие слова Сёрена Кьеркегора: «Протестантизм будет выдавать себя за религиозное движение, но окажется движением политическим, коммунизм – за движение политическое, но окажется движением религиозным», – добавил к ним из собственного горького опыта: «конечно, только по структуре своего сознания, по страстности своего исповедничества, но не по содержанию своей веры [10, с.365].

Александр Бек чрезвычайно убедительно выявил разрушительную силу находящейся вне моральных границ технократии. Технократии, подменившей человеческую мораль поистине религиозной фанатической иступленностью. Силу, которая становится саморазрушительной (пожирательная организм раковая опухоль Онисимова).

Саморазрушительная сила технократии в новейшее время торжества компьютерно-визуальных технологий выразительно обрисована в романе «Generation «П» (1999) Виктора Пелевина.

Его главный герой Вавилен Татарский – талантливый криэйтор⁴.

Первоначально задача Татарского – адаптация зарубежной телерекламы к отечественным условиям. Быстро набравшись опыта, он сам становится создателем «картинок», которые подменяют окружающий мир. Пользуясь компьютерными технологиями, Татарский измышляет телеобразы государственных деятелей и политическую жизнь страны – ничего подобного в действительности не существует. Теми же способами обычные предметы потребления возводятся им в высший ранг, а подлинные духовные ценности опускаются, опошляются...

Видимо, прав музыковед и культуролог Владимир Мартынов, который, размышляя над причинами происходящей экспансии визуальной образности и огромной властью визуальных коннотаций в современном обществе, пришел к выводу о том, что вслед за концом «времени композиторов» и «времени гегемонии литературы в России окончилось», что наступает «эпоха какой-то новой, не текстоцентричной, не литературоцентричной данности». В итоге, традиционный для русской культуры литературоцентризм уступает место массовому

«зрелищецентризм», или «шоуцентризм» [11, с.36, 24, 38].

В «Generation «П» постепенно и сам криэйтор Татарский обезличивается. Воронка «шоуцентризма» затягивает всех.

То, что буква «П» в названии пелевинского романа означает Pepsi, – это, как теперь можно понять, эвфемизм, условный знак. Надо было привязать ТВ-технологии Вавилена (Вавилона!) Татарского к какому-нибудь узнаваемому бренду и чтобы он был массовым (дорогущие ПатеК Филипп, Роллс-Ройс, Луи Виттон и т.п. явно не подходят). Однако общественной погоды никакой напиток не делает: ни Пепси-Кола, ни Кока-Кола, ни даже Балтика №7.

Общественную погоду делает политика. Оттого, обращаясь к исторически значимым событиям, мы говорим: петровские реформы, николаевская эпоха, хрущевская оттепель, брежневский застой, горбачевская перестройка...

Пелевин написал о формах манипуляции общественным сознанием, о способах – через ТВ-пропаганду – подчинения этого сознания чему-то очень простому, о ТВ-средствах превращения какой-нибудь пустышки в самонужнейшую цель, в икону для миллионов. И о людях, которые этим заняты, о том, как они к этому делу пришли и что с ними происходит...

Пелевин писал роман в конце 1990-х. Тогда еще отечественное ТВ было плюралистичным, разнополярным – как и в течение всех девяностых постсоветских годов, столь проклинаемых ныне.

Но сразу после выхода романа, с наступлением нового тысячелетия, положение стало сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее меняться – как вода вытекает из ванны, если вынуть пробку: сначала по видимости медленно, почти незаметно, а потом

ускоряясь, бурля. Немцы это называют der Badewanneneffekt.

То, о чем написал Пелевин в «Generation «П», что пророчески художественно исследовал, стало основой общественной жизни страны на последующие годы. «Поколение Пепси»?! Другое маячит за русской буквой «П».

Как считает, например, Игорь Яковенко – видный социолог и до недавнего прошлого секретарь Союза журналистов России: «Трансформация ... мифа в телерелигию произошла в конце нулевых – начале десятых, когда сформировался корпус профессиональных служителей культа в лице ведущих главных телеканалов и приглашаемых ими «экспертов», а также юродивых и кликуш, выполняющих роль передового отряда нового мракобесия, штурмующего общественное сознание» [12].

В «Generation «П» вскрыт, описан механизм действия этой религии до ее появления. Накануне... Вспоминаются гордые слова Достоевского: «Ихним реализмом – сотой доли реальных, действительно случившихся фактов не объяснишь. А мы своим идеализмом пророчили даже факты. Случалось» [13, 329].

Пелевин сделал это как художник. Идея – в данном случае – путем иронии, неперменного свойства постмодернистской стилистики, атрибута постмодернистской картины мира.

Итак, пока никакого обобщающего вывода в этой теме сделать нельзя. Тысячу раз прав был автор «Обсервер», предсказавший еще 70 лет назад, что шпееры (читай – технократы) очень долго будут пребывать среди нас – «пришло их время».

Это время продолжается. И непредвзятый художник, будучи «у времени в плену», вглядывается в фигуры времени, и в фигуру технократа не в последнюю очередь, открывает в ней новые

темные и светлые грани, новую динамику. Такое же внимание требуется и от литературной критики, и от литературоведения, обращенного к новейшему периоду. Наша общая цель – защита и развитие человеческого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адольф Эйхман – логист смерти // Germania – online.ru: Информационный портал о Германии. 2011. 8 апреля. – <http://germania-online.ru/politika/politika-detall/datum/2011/04/08/adolf-ehikhman-logist-smerti.html>
2. *Арендт Х.* Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме / Пер. с англ. С.Кастальского и Г.Рудницкой. – М.: Европа, 2008. – (Холокост). – 424 с.
3. Адольф Эйхман // Feldgrau.info/. 2011. 28 августа. – <http://feldgrau.info/forum/index.php?PHPSESSID=jp2h8phcvjlkp42fpvvdsekaf5&topic=682.0>
4. *Кастано Э., Лейднер Б., Славуа П.* Процессы социальной идентификации, групповая динамика и поведение комбатантов // Международный журнал Красного Креста. – 2008. Т. 90. – № 870.
5. *Шпеер А.* Воспоминания. – М.: Захаров, 2010. – 688 с.
6. *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛаг: 1918–1956: Опыт художественного исследования // Малое собр. соч. Т. 5. – М.: ИНКОМ НВ, 1991. – 432 с.
7. Жди меня, и я вернусь...: Военная лирика 1941 – 1945 – 2005 / Вступ. статья, сост. и прим. С. Дмитренко. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 603 с.
8. *Зимбардо Ф.* Эффект Люцифера: Почему хорошие люди превращаются в злодеев / Пер. с англ. Анны Стативки. – М.: Альпина нон-фикшн, 2013. – 740 с.
9. *Попов Г.Х.* С точки зрения экономиста // Александр Бек. Новое назначение: Роман. – М.: Книжная палата, 1987. – С. 187–213.
10. *Степун Ф.А.* «Бесы» и большевистская революция // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси: Сборник / Сост., пред. М. Назарова. – М.: Столица, 1991. – 464 с.
11. *Мартынов В. И.* Пестрые прутья Иакова: Частный взгляд на картину всеобщего праздника жизни. – М.: Издат. дом КЛАССИКА – XXI, 2010. – 160 с.
12. *Яковенко И.А.* Медиафрения // Ежедневный Журнал. – 2013. – 26 ноября. – <http://www.ej.ru/?a=note&id=23812>
13. *Достоевский Ф.М.* Письмо А.Н. Майкову от 11 декабря 1868 г. // Полн. собр. соч.: В 30 тт. Т. 28, кн. 2. – Л.: Наука, 1985. – С. 327–333.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ И дальше: «Вот если бы водку запретили – тотчас бы у нас вспыхнула революция. Но беря сорок четыре рубля за литр, обходящийся в десять копеек, коммунистический Шейлок не соблазнится сухим законом». Как, перечитав этот прогноз, не призадуматься людям, которые помнят борьбу с пьянством и алкоголизмом, дошедшую на рубеже 1980 – 1990-х годов почти до сухого закона, и последующие громовые события.

² Меритократическое общество (от лат. *meritus* – достойный) – общество, в котором власть принадлежит людям достойным, заслужившим право на нее. Хотя представление о таком обществе существовало с давних времен, например, в конфуцианской философии, сам термин «меритократия» был введен лишь в XX веке – Ханной Арендт, в эссе «Кризис образования» (1954).

³ «...А что, если бы каждый оперативник, идя ночью арестовывать, не был бы уверен, вернется ли он живым, и прощался бы со своей семьей? Если бы во времена массовых посадок, например в Ленинграде, когда сажали четверть города, люди бы не сидели по своим норкам, млея от ужаса при каждом хлопке парадной двери и шагах на лестнице, – а поняли бы, что терять им уже дальше нечего, и в своих передних бодро бы делали засады по несколько человек с топорами, молотками, кочергами, с чем придется? Ведь заранее известно, что эти ночные картузы не с добрыми намерениями

идут, – так не ошибешься, хрястнув по душегубцу. Или тот воронок с одиноким шофером, оставшийся на улице, – угнать его, либо скаты проколоть. Органы быстро бы недосчитались сотрудников и подвижного состава, и, несмотря на всю жажду Сталина, – остановилась бы проклятая машина! Если бы... если бы... Мы просто заслужили все дальнейшее» [6, с.19].

⁴ От англ. *creator* - творец, создатель, автор, разработчик.

Аннотация

С середины XX века все более влиятельное место в жизни развитых государств занимают технократы, делающие карьеру с помощью технических знаний и организационных способностей. Черты такого типа выразительно интерпретируются в романах А.Солженицына («В круге первом»), В.Гроссмана («Жизнь и судьба»), А.Бека («Новое назначение»), В.Пелевина («Generation П») и др. Отсутствие особой духовной восприимчивости, а также быстрота, с какой даже заурядные люди приспосабливаются к подчас страшным новейшим технологиям, позволяют им достигать немислимых результатов. И только человеческая мораль оказывается преградой на пути к тотальному самоистреблению.

Ключевые слова: роман, технократ, технологический детерминизм, национал-социализм, большевизм, тоталитаризм, конформизм/нонконформизм, сопротивление, банальность зла, «шарашка», мораль, героизм, визуальные технологии, постмодернизм.

Summary

From the middle of the 20th century an increasingly influential role in the life of developed countries occupy technocrats, who make their careers with the help of their technical knowledge and organizational skills. Features of this type impressively interpreted in the novels of A. Solzhenitsyn («The First Circle»), V. Grossman («Life and Fate»), A. Bek («The New Appointment»), V. Pelevin («Generation P») and others. Absences of special spiritual receptivity, as well as the speed, which even the ordinary people adapt, sometimes, to the terrible latest technology, allow them to reach unimaginable results. And only human morality is an obstacle in the way to the total self-destruction.

Key words: novel, technocrat, technological determinism, national socialism, bolshevism, totalitarianism, conformism/non-conformism, resistance, banality of evil; «sharahska», morality, heroism, visual technologies, post-modernism.